

Five Nights at Freddy's

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ:

1. ПЯТЬ НОЧЕЙ У ФРЕДДИ.
СЕРЕБРЯНЫЕ ГЛАЗА
2. ПЯТЬ НОЧЕЙ У ФРЕДДИ.
НЕПРАВИЛЬНЫЕ
3. ПЯТЬ НОЧЕЙ У ФРЕДДИ.
ЧЕТВЁРТЫЙ ШКАФ

ФАЙЛЫ ФРЕДДИ.
ОФИЦИАЛЬНЫЙ ПУТЕВОДИТЕЛЬ
ПО ЛУЧШЕЙ ХОРРОР-ИГРЕ

ЖУРНАЛ ПО ВЪЖИВАНИЮ

**Five Nights
at
Freddy's**

**СЕРЕБРЯНЫЕ
ГЛАЗА**

Скотт Коутон
Кира Брид-Райсли

Москва
2021

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44
К73

Scott Cawthon and Kira Breed-Wrisley
FIVE NIGHTS AT FREDDY'S: THE SILVER EYES

Copyright © 2016 Scott Cawthon
Photo of tv static: © Klikk/Dreamstime
All rights reserved. Published by arrangement with Scholastic Inc.,
557 Broadway, New York, NY 10012, USA.

Коутон, Скотт.
К73 Пять ночей у Фредди. Серебряные глаза / Скотт Коутон, Кира Брид-Райсли ; [пер. с англ. Е. Ефимовой]. — Москва : Эксмо, 2021. — 448 с. — (Five Nights at Freddy's).

ISBN 978-5-699-99773-2

Много лет назад аниматроники, специально сконструированные животные-талисманы, развлекали посетителей пиццерии «У Фредди Фазбера». Но затем случилась жуткая трагедия, в результате которой заведение пришлось закрыть. Чарли, дочь создателя аниматроников, возвращается в родной город и вместе с друзьями отправляется в проклятую закусочную. Подлости и не представляли, какой кровавый кошмар их ожидает внутри.

«Five Nights at Freddy's» — культовая компьютерная игра в жанре хоррор, которая стала одной из самых популярных игр в своем жанре, а также удостоилась высоких оценок критиков за уникальный подход.

Роман расширяет вселенную «Five Nights at Freddy's», позволяя читателю не только проникнуться духом игры, но и узнать предысторию событий.

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-699-99773-2

© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2021

ГЛАВА ПЕРВАЯ

н меня видит.

Чарли упала на четвереньки, скорчилась, забилась в узкое пространство между стеной и игровыми автоматами; ладони натыкались на спутанные провода, бесполезные штепсельные вилки больно впивались в колени. Ее загнали в угол, единственный способ выбраться — прошмыгнуть мимо твари, но для этого Чарли недостаточно быстра. Девушка видела, как он крадучись расхаживает туда-сюда, высматривая малейшее движение в щелях между автоматами. Места для маневра почти не было, и все же Чарли попыталась отползти назад. Нога зацепилась за провод, и девушка остановилась, чтобы осторожно ее высвободить.

Раздалось клацанье металла о металл, и самый дальний автомат отлетел к стене. Преследователь ударил снова, вдребезги разбив экран, после чего обрушился на следующий автомат, и следующий,

круша машины одну за другой в каком-то жутком ритме, постепенно приближаясь.

«Нужно выбраться отсюда, нужно выбраться!» — тщетно билась в сознании заполошная мысль. Выхода нет. Рука болела, хотелось зарыдать в голос. Изодранная повязка окрасилась красным, Чарли казалось, будто она чувствует, как кровь вытекает из нее капля за каплей.

Автомат в нескольких футах от нее впечатался в стену, и Чарли вздрогнула. Преследователь приближался, скрип шестеренок и пощелкивание сервоприводов сделались громче. Даже зажмурившись, девушка видела, как он на нее смотрит, видела тусклый мех, проступающий под синтетической плотью металл.

Вдруг автомат, за которым она пряталась, рванули, и он отлетел в сторону, перевернувшись, как игрушечный. Из-под ее рук и ног выдернули шнуры питания, и Чарли, потеряв равновесие, чуть не упала. Обхватив себя руками, она посмотрела вверх и еще успела увидеть взмах крюка...

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ХАРРИКЕЙН, ШТАТ ЮТА

При виде знака Чарли сухо улыбнулась и поехала дальше. По ту сторону знака мир был точно такой же, и все же, миновав его, она ощутила какое-то нехорошее предчувствие. Все вокруг казалось незнакомым, впрочем, ничего другого Чарли не

ожидала — все равно на этой окраине только шоссе да пустыри.

Интересно, как там остальные, как теперь живут. Десять лет назад они были лучшими друзьями, а потом случилось *это*, и все закончилось, по крайней мере, для Чарли. В последний раз она виделась с ребятами, когда ей было семь. В детстве они постоянно переписывались, особенно с Марлой — та строчила письма так же, как разговаривала: быстро и несвязно. Однако взрослея, они все постепенно отдалились друг от друга, так что предшествовавший этой поездке разговор вышел натянутым, полным неловких фраз. Чарли повторяла про себя имена, будто проверяя, что до сих пор их помнит: Марла, Джессика, Ламар, Карлтон, Джон. И Майкл... В конце концов, именно из-за Майкла она и приехала. Прошло уже десять лет с тех пор, как он умер, с тех пор, как случилось это, и теперь его родители хотят, чтобы все они собрались почтить его память. Они пожелали собрать всех старых друзей сына, объявив, что учреждают в его честь специальную стипендию. Чарли понимала, что это благое дело, и все же идея снова встретиться казалась ей жутковатой. Девушка поежилась и отключила кондиционер, хоть и знала, что он работает не на полную мощность и в машине не холодно.

Въехав в центр города, Чарли начала узнавать местность: несколько магазинов и кинотеатр, над которым растянули огромный плакат, призываю-

щий всех посмотреть самый нашумевший фильм этого лета. Чарли ощутила мимолетное удивление, потом улыбнулась. «А чего ты ожидала? Что все вокруг останется неизменным? Застынет таким памятником твоему отъезду, что 5 июля 1985 года время остановится?» В общем-то, именно этого она и ожидала. Девушка посмотрела на часы: до встречи еще несколько часов, нужно как-то убить время. Можно, конечно, сходить в кино, но Чарли знала, чего ей действительно хочется. Она повернула налево и поехала в пригород.

Десять минут спустя она остановилась и вышла из машины.

Показавшийся впереди дом темнел на фоне ярко-синего неба, словно рана. Чарли прислонилась спиной к машине, у нее слегка закружилась голова. Пришлось несколько раз глубоко вздохнуть и выдохнуть, чтобы прийти в себя. Разумеется дом никуда не делся: несколько лет назад Чарли украдкой заглянула в банковскую книжку тети Джен и знала, что ипотека выплачена и тетя Джен по-прежнему платит налог на собственность. Прошло всего десять лет, и нет никаких причин, чтобы что-то менять. Чарли медленно поднялась по ступеням, отметив, что краска на них облупилась. Доска на третьей ступеньке до сих пор держалась на одном гвозде, а розовые кусты у крыльца разрослись пуще прежнего, и их шипы хищно втыкались в доски. Дверь была заперта, но у Чарли остался

ключ. До сих пор ей ни разу не пришлось им воспользоваться. Снимая с шеи цепочку, на которой висел ключ, и вставляя его в замочную скважину, девушка вспомнила, как отец надел ей на шею эту цепочку. «На случай, если он тебе понадобится». Ну, вот и понадобился.

Дверь медленно открылась, и Чарли огляделась. Она мало помнила о первых нескольких годах, проведенных здесь. Ей было всего три года, и воспоминания слились в одно размытое пятно: горе и потеря, непонимание того, почему ушла мама. Она тогда постоянно цеплялась за отца, боялась покидать маленький мирок, ограниченный этим домом, чувствовала себя в безопасности, лишь тесно прижавшись к отцу, зарывшись лицом в его фланелевую рубашку, чувствуя исходящий от одежды запах машинного масла и раскаленного металла.

У самой входной двери начиналась лестница на второй этаж, но Чарли туда не пошла. Вместо этого она направилась в гостиную, где все предметы мебели остались на прежних местах. Ребенком она этого не замечала, но для такого большого дома здесь было совсем мало мебели. Вещи стояли на большом расстоянии друг от друга и, казалось, терялись в огромном пространстве: диван слишком далеко от журнального столика, протяни руку — не достанешь; большое кресло чересчур далеко от дивана, так что сидящим на них людям было бы неудобно вести беседу. На деревянном полу в центре

комнаты темнело пятно, которое Чарли быстро обошла и направилась в кухню. В шкафчиках осталось всего несколько кастрюль, сковородок и тарелок. В детстве Чарли никогда не испытывала ни в чем недостатка, но теперь непомерная громадность дома казалась ей своеобразным извинением, как будто живший здесь человек, и без того потерявший так много, пытался дать дочери все, что только мог. Он всегда все делал с размахом.

Когда она была здесь в последний раз, в доме царил темнота и все казалось неправильным. Чарли отнесли на второй этаж, в ее комнату, хотя ей было семь лет, и она добралась бы туда быстрее на своих двоих. Но тетя Джен остановилась на крыльце, подхватила ее на руки и понесла, заслоняя ее лицо ладонью, точно Чарли — младенец, которому яркое солнце слепит глаза.

В комнате тетя Джен поставила Чарли на пол, закрыв за собой дверь. Тетя велела девочке собираться, и та заплакала, потому что все ее вещи не поместились бы в тот маленький чемодан.

«За остальными мы можем вернуться позже», — с плохо скрываемым нетерпением сказала тетя Джен, глядя, как Чарли нерешительно стоит перед комодом, не в силах решить, какую футболку взять с собой. За остальными вещами они так и не вернулись.

Чарли поднялась по лестнице и пошла в свою старую спальню. Дверь частично треснула, и открывая

ее, Чарли испытывала острое чувство неуместности происходящего, боясь, что сейчас увидит саму себя, сидящую среди игрушек маленькую девочку, которая вот-вот поднимет глаза и спросит: «Ты кто?» Чарли вошла.

В ее комнате, как и во всем доме, все осталось на своих местах. Бледно-розовые стены, потолок с крутым уклоном, повторяющий форму крыши, тоже выкрашен в розоватый цвет. Старая детская кровать по-прежнему стоит у большого окна, матрас до сих пор на месте, а простыней нет. Оконная створка чуть-чуть приоткрыта, и полуистлевшие кружевные занавески легонько колышутся от дуновения ветерка. На полу под окном темнело пятно от воды — свидетельство многолетнего небрежения хозяев дома, позволивших дождю проникать внутрь. Чарли забралась на кровать и захлопнула окно. Створка подалась со скрипом, и Чарли, сделав шаг назад, снова оглядела комнату и творения своего отца.

Впервые оставшись в доме на ночь, Чарли боялась спать. Она не помнила саму ночь, но впоследствии отец часто о ней рассказывал, и история намертво отпечаталась в памяти. Чарли сидела в кровати и рыдала навзрыд, пока наконец не пришел отец. Он подхватил ее на руки и пообещал, что Чарли больше никогда не останется одна. На следующее утро, памятуя о данном слове, он взял Чарли за руку, повел в гараж и принялся за работу.

Первым его изобретением стал фиолетовый кролик, посеревший от многолетнего сидения на солнце. Отец назвал кролика Теодором. Ростом кролик был с трехлетнего ребенка — именно столько тогда было Чарли, — и у него был плюшевый мех, светящиеся глаза и щеголеватый красный галстук. Игрушка умела только махать лапой, наклонять набок голову и говорить голосом отца: «Я люблю тебя, Чарли». Впрочем, этого вполне хватило, чтобы из Теодора вышел отличный ночной сторож, составлявший девочке компанию, когда она не могла заснуть. Теперь Теодор сидел на белом плетеном стуле в дальнем конце комнаты. Чарли помахала ему рукой, но включать не стала, и кролик не помахал в ответ.

После Теодора игрушки становились все сложнее. Некоторые работали, некоторые — нет; одни то и дело глючили, другие просто не удовлетворяли детское воображение Чарли. Она знала, что такие игрушки отец забирал обратно в мастерскую и разбирал на запчасти, но девочке не нравилось смотреть, как их демонтируют. Зато ее любимые игрушки все остались здесь и смотрели на хозяйку с надеждой. Улыбнувшись, Чарли нажала на кнопку рядом с кроватью. Та неохотно подалась, однако ничего не произошло. Девушка нажала снова, подождала несколько секунд, и на этот раз раздалось лязганье металла о металл, и единорог в дальнем конце комнаты пришел в движение.

Этот единорог — Чарли назвала его Стэнли, хоть и не помнила уже, почему выбрала это имя, — был сделан из металла и покрашен глянцево поблескивающей белой краской. Заложив круг, он прогарцевал по комнате, с натугой поднимая и опуская голову, добежал до кровати, уткнулся в угол и остановился. Чарли опустилась на колени рядом со Стэнли и хлопала его по шероховатому боку. Белая краска облупилась, а морда единорога покрылась ржавчиной, но глаза живо поблескивали.

— Надо заново тебя покрасить, Стэнли, — проворботала девушка.

Единорог таращился прямо перед собой и безмолвствовал.

У изножья кровати находилось колесо, сделанное из спаянных металлических деталей; Чарли всегда казалось, что такая вещь пригодилась бы на подводной лодке. Девушка повернула колесо — оно сначала заклинило, но потом подалось, — и открылась самая маленькая дверца стенного шкафа, из недр которого выехала Элла, кукла размером с ребенка. В своих крошечных ручках она держала чайную чашку и блюдце, словно предлагая начать чаепитие. Клетчатое платье куклы осталось, как прежде, накрахмаленным, а открытые кожаные туфельки до сих пор блестели; возможно, шкаф защитил ее от сырости. Когда они с Эллой были одного роста, у Чарли был точно такой же наряд.

— Привет, Элла, — тихо сказала девушка. Она повернула колесо в другую сторону, и Элла вернулась в шкаф, а дверца шкафа начала закрываться. Чарли пошла следом за куклой. Шкафы были встроены под наклонный потолок, всего их было три. Элла жила в самом маленьком, его высота не превышала трех с половиной футов. Следующий шкаф был примерно на фут выше, а высота третьего, расположенного у двери спальни, равнялась высоте потолка.

«Почему у тебя три шкафа?» — спросил Джон, когда впервые вошел в ее комнату. Чарли тогда туго смотрела на него, озадаченная этим вопросом.

«Потому что их три, — ответила она в конце концов и, словно оправдываясь, указала на самый маленький шкаф. — А в этом все равно живет Элла», — добавила она. Джон кивнул, удовлетворенный ответом.

Чарли покачала головой и открыла дверцу среднего шкафа, точнее, попыталась это сделать. Девушка еще раз подергала за ручку, но без особого успеха: заперто. Тогда она, не вставая с пола, посмотрела на самый высокий шкаф, ее «шкаф большой девочки», до которого она должна была дорасти. «Он тебе не понадобится, пока ты не подрастешь», — неизменно говорил отец, однако этот день так и не пришел. Теперь дверца шкафа была слегка приоткрыта, но Чарли не стала тревожить

ее покой. Дверца приоткрылась не для нее, просто рассохлась от времени.

Девушка уже хотела встать, как вдруг заметила какой-то проблеск под запертой дверцей среднего шкафа. Подавшись вперед, она достала блестящий предмет. На первый взгляд он походил на кусочек сломанной печатной платы. Чарли слегка улыбнулась. Когда-то по всему дому валялись гайки, болты, кусочки металла и всевозможные детальки. У отца в карманах всегда лежало много этого добра. Он постоянно таскал с собой вещи, над которыми в тот момент работал, клал рядом с собой и забывал, где именно их оставил, или того хуже, откладывал что-то в сторонку, дабы «не потерять», после чего эту вещь уже никто никогда не видел. Прядь ее волос зацепилась за обломок платы, и Чарли осторожно высвободила волосы.

Наконец девушка поднялась, подошла к Теодору — можно подумать, она до последнего оттягивала этот момент, — и взяла кролика на руки. Фиолетовый мех у него на спине не вылинял, оставшись такого же яркого, насыщенного цвета, как в ее воспоминаниях. Девушка нажала на кнопку у основания шеи игрушки, но кролик остался безжизненным. Искусственный мех вытерся, одно ухо свисало, еле-еле держась на единственной полусгнившей нитке, и в образовавшемся отверстии виднелась зеленая пластиковая плата. Чарли затаила дыхание, испуганно прислушиваясь.